

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На палубе был ад. Повсюду лежали раненные и умирающие, валялись расщепленные куски деревянной обшивки и рангоута; на покосившейся бизань-мачте безжизненно повисло полотнище паруса; доски палубы почернели от вьевшейся гари и копоти, а в воздухе стоял резкий запах сгоревшего пороха. Такелаж с визгом разорвало пролетевшее пушечное ядро; еще одно вспенило воду под кормой галеона. Огромный корабль вздрогнул всем корпусом от киля до клотика и тяжело повалился на левый борт. Стоя на квартердеке, дон Хуан де Нарваес выкрикнул резкую команду; его лейтенант бегом кинулся по трапу на шкафут судна.

Там выстроились солдаты в кирасах и украшенных чеканкой морионах¹, вооруженные алебардами и пиками; кое-кто держал в руках длинный двуручный меч. Все смотрели, как с подветренной стороны к ним быстро приближается судно, казавшееся маленьким рядом с их неповоротливым гигантом; на грот-мачте трепетал вымпел с крестом святого Георгия. Никто уже не сомневался, что исход морской битвы решит рукопашная схватка, и солдаты ждали ее с нетерпением: не зря же они считались лучшими воинами во всем христианском мире. Неужели какие-то жалкие англичане смогут выстоять против них в жарком сражении лицом к лицу? Но на протяжении прошедшего часа английский корабль держался вне досягаемости испанских пушек, в то же время непрерывно обстреливая «Санта Марию» из дальнобойных

¹ Морион — шлем без забрала. (Здесь и далее приводятся примечания переводчика, если не указано иное.)

орудий. Солдаты, выстроившиеся на шкафуте, не знали, насколько серьезные повреждения понес их корабль, но вынужденное бездействие и невозможность дать достойный отпор врагу вызывали у них нешуточное раздражение и заставляли нервничать. Однако теперь англичанин приближался к ним с каждым мгновением все быстрее и быстрее: ветер наполнял своим дыханием его снежно-белые паруса, и он скользил по волнам, как легкокрылая чайка.

Дон Хуан, устремив взор на вражеский корабль, видел, как пушки его собственного галеона изрыгают огонь в сторону противника. Но англичанин подошел уже слишком близко, и залп не причинил ему особого вреда, поскольку борт испанского корабля вздымался высоко над водой и половина ядер попросту просвистела над палубой противника. «Смельчак» — а у благородного дона теперь уже не осталось никаких сомнений в том, что это был именно «Смельчак», — храбро и неуклонно шел ему навстречу без видимых повреждений.

Развернув судно бортом к испанскому галеону, англичанин дал залп из всех орудий, сметая картечью солдат на шкафуте. Обогнав испанское судно, он вдруг сделал фордевинд¹, обработал паруса и, пройдя возле носа галеона, в упор разрядил свои пушки в его борт.

«Санта Мария» вздрогнула и протяжно застонала от страшного удара; на палубе поднялась паника. Дон Хуан понял, что его корабль погибает, и негромко выругался. Но он отнюдь не был трусом и знал, как вдохнуть мужество в своих людей. «Смельчак» огибал галеон по дуге, и теперь испанскому адмиралу стало ясно, что англичане намереваются взять «Санта Марию» на абордаж. Что ж, в этом и заключалась его последняя надежда. Пусть себе враг приближается — «Санта Мария» была обречена, — но зато на борту «Смельчака» находился сам Эль Бовалле, проклятый Бовалле, флибустьер и сумасброд, имевший наглость насмеяться над Испанией! Его поимка и плене-

¹ Фордевинд — разворот судна носом к ветру.

у него оставалась последняя надежда — на рукопашную схватку, в которой фортуна вновь могла повернуться к нему лицом, и тогда уж он окажется победителем.

Солдаты разобрали оружие и выровняли ряды на шкафуте и полубаке, готовясь встретить врага лицом к лицу. У кулеврин¹ в напряженном ожидании замерли канониры, с ног до головы покрытые пороховой гарью и потом; вспыхнувшую было панику удалось быстро погасить. К встрече «Смельчака» все было готово, и сейчас проклятый англичанин получит свое!

Пиратское судно тем временем подошло еще ближе; оно без видимого для себя урона выдержало огонь пушек испанского галеона, и сквозь клубы дыма, застилавшие его палубу, можно было видеть абордажную команду, вооруженную крючьями, топорами и шпагами. Англичане готовились атаковать «Санта Марию». Но вдруг фальконеты² вновь окутал черный пороховой дым, засверкали вспышки и на шкафут испанского галеона обрушился град картечи. Строй испанцев мгновенно нарушился; повсюду раздавались крики, стоны и проклятия; пользуясь воцарившимся на борту «Санта Марии» хаосом, «Смельчак» подскочил вплотную к испанскому кораблю, и абордажные крючья впились в высокие борта.

Атака началась.

Корсары обрушились на галеон одновременно с кормы и носа, с помощью своих абордажных топоров составляя штурмовые лестницы. Они, подобно муравьям, посыпались на палубу «Санта Марии» с рея шпринтового паруса, зажав в зубах кинжалы и сжимая в руках длинные шпаги и сабли. И испанцы, ряды которых поредели после огня вражеских корабельных пушек, дрогнули. Флибустьеры напирали, и на каждом дюйме скользкой палубы начинались и тут же заканчивались

¹ Кулеврина — старинная длинноствольная пушка.

² Фальконет — название артиллерийского орудия в армии и на флоте в XVI—XVIII вв. (Примеч. ред.)

скоротечные рукопашные схватки. Лязг клинков, уколы, выпады, удары кинжалом...

Дон Хуан стоял на верхней ступеньке трапа, судорожно сжимая в руке шпагу, и его высокую фигуру в рифленой кирасе и набедренных латах было видно издалека. В царящей внизу кровавой сумятице он высматривал предводителя пиратов, но пока что все нападавшие казались ему на одно лицо. Дону Хуану решительно не везло.

Битва была жестокой и отчаянной. Сражавшиеся поскользывались в крови, спотыкаясь об убитых и о раненых; внизу в массе тел время от времени раскатисто гремели пистолетные выстрелы в упор. Шум боя оглушал; отдельные голоса безнадежно тонули в столах, командах, пронзительных криках и металлическом лязге оружия. На какое-то время установилось хрупкое равновесие, вал ожесточенной схватки катился от носа к корме и обратно, и «Санта Мария» беспомощно покачивалась на волнах, медленно погружаясь в пучину.

И вдруг на ступеньках трапа, ведущего на квартердек, появился какой-то мужчина; казалось, он чудом вырвался из ада, царившего на нижней палубе. Несколько мгновений он оставался недвижимым, поставив ногу на первую ступеньку и глядя снизу вверх на дону Хуана. В правой руке мужчина сжимал шпагу, с лезвия которой стекали капли крови. На левую руку был намотан плащ, вероятно, для того, чтобы отражать удары. Кончик острой черной бородки незнакомца был воинственно приподнят. Украшенный позолоченной чеканкой морион не позволял разглядеть верхнюю часть лица, но дон Хуан все же заметил, как сверкнули в оскале белоснежные зубы, и присел, готовясь нанести удар, который должен был отправить его противника к праотцам.

— На колени, *perro!*¹ — прорычал испанец.

Незнакомец расхохотался и ответил ему на чистом кастильском наречии:

¹ Собака (*исп.*).

— Нет, сеньор, собака сейчас поднимется к вам.

Дон Хуан прищурился, настороженно вглядываясь в запрокинутое лицо.

— Поднимись сюда и умри, собака, — хрипло выдохнул он, — потому что ты, кажется, и есть тот, кого я ищу.

— Похоже, меня разыскивает вся Испания, сеньор, — весело откликнулся незнакомец. — Но вот кто осмелится бросить вызов Нику Бовалле и победить его? Быть может, вы готовы попытаться?

Прыгая сразу через несколько ступенек, он оказался наверху. Лезвие его шпаги со звоном скрестилось с клинком дона Хуана, и под яростным натиском тот вынужден был отступить на шаг. Незнакомец сорвал с левой руки плащ и, размотав его, швырнул вперед, да так ловко, что шпага дона Хуана застряла в нем. В мгновение ока англичанин вспрыгнул на четвертьдек, и в эту же секунду дон Хуан с ругательствами стряхнул плащ со своей шпаги. Клинки вновь со звоном встретились, высекая искры, и дон Хуан понял, что на этот раз ему противостоит настоящий мастер. Его противник наседавал, и испанец шаг за шагом пятился к фальшборту, отчаянно сражаясь за каждый дюйм палубы.

С полуюта на шум схватки примчался Крузада, лейтенант дона Хуана. Но Бовалле вовремя заметил его и решил покончить с одним из своих противников. Его длинная шпага взлетела ввысь и, со свистом рассекая воздух, с быстротой молнии обрушилась на наплечник дона Хуана. Оглушенный, испанец повалился на колени и выпустил из рук клинок, и тот со звоном покатился по палубе. Бовалле, тяжело дыша, повернулся, готовясь встретить Крузаду.

Но тут на четвертьдек вслед за своим предводителем хлынули англичане, и испанцы взмолились о пощаде. Бовалле приставил острие своей шпаги к груди Крузады.

— Сдавайтесь, сеньор, сдавайтесь, — сказал он. — Я захватил в плен вашего командира.

— Но я могу убить тебя, грязный пират! — в бешенстве выкрикнул Крузада.